

ГЕРЦЕН И ТУРГЕНЕВ В СПОРЕ О СУДЬБЕ РОССИИ (К 200-летию со дня рождения А.И. Герцена)

© 2012 г. Е. Н. Дрыжакова (США)

Двадцать лет (1849–1869) продолжался спор Герцена и Тургенева о том, что ждет Россию в ближайшем будущем. Тургенев полагал, что Россия принадлежит к “европейской семье народов” и ее судьба будет сходна с “европейскими сестрами”: ее ждут трудные годы социального развития, предполагающие “революционные бури” и неожиданные повороты. Герцен был убежден, что у России “особый путь” и она вполне может избежать “проблемы пролетариата” и построить свое будущее по справедливым законам русской крестьянской общины. Спор этот нашел свое отражение в публицистике Герцена, романах Тургенева и в их частной переписке.

Herzen and Turgenev kept debating the future fate of Russia for 20 years (from 1849 to 1869). Turgenev saw Russia as belonging to the European commonwealth and sharing her fate with the “sister nations”, for whom the future held in store various social hardships, “revolutionary storms” and sudden good and bad turns. Herzen’s view was that Russia had her “own special way” and was able to completely avoid the “proletariat problem”, while founding her future upon the just laws of the Russian peasant community. This debate is reflected in Herzen’s journal publications, in Turgenev’s novels, and in Herzen–Turgenev correspondence.

Ключевые слова: Герцен, Тургенев, Огарев, социализм, крестьянская община, революция 1848 г.

Key words: Herzen, Turgenev, Ogarev, socialism, Russian socialism, peasant community, Revolution of 1848.

А.И. Герцен и И.С. Тургенев – люди одного поколения. Человеческие и общественные судьбы их сложились совершенно по-разному, но было нечто общее, объединяющее в 1840–1850-е годы русскую мыслящую интеллигенцию, независимо от социальных, имущественных и даже образовательных факторов... Это “нечто” – тревога о будущем России, запоздавшей в своем политическом и экономическом развитии.

Тургенев был шестью годами моложе Герцена, но в литературу они вступали почти одновременно, оба в кругу Белинского и Некрасова, который считался самым радикальным и западническим; оба прошли через русское гегельянство и влияние Бакунина; оба непосредственно на улицах Парижа наблюдали революционные события 1848–1851 годов.

Известие о провозглашении республики в Париже 25 февраля 1848 г. изменило планы Герцена на продолжение путешествия по Италии, и в начале мая он был уже в столице Французской Республики. Меньше месяца потребовалось ему для интерпретации парижских событий. В цикле “Опять в Париже”, первое Письмо которого датировано автором “1 июня 1848”, Герцен писал: “Франция совершила провозглашением республики еще один великий шаг для себя, для

Европы, для мира – и снова запнулась, как бы боясь собственного величия, и снова нашлись нечистые руки и предательские объятия, которые задушили ребенка в колыбели. Опыт не учит Францию. Она доверчива, как все мужественные и благородные природы. Французский народ не готов для республики, о которой мечтает социалист, демократ и работник. Его надо воспитать, для того, чтоб он понял свои собственные права” [1, т. V, с. 304–305].

Через несколько дней, развивая свою мысль в следующем Письме этого цикла, Герцен иронически перебирает деятелей февральской революции – от председателя Учредительного собрания Марраста, которого он называет “grand seigneur”, до “Манилова французской революции” Ламартина¹. В подобном “временном правительстве”, по мнению Герцена, кроме названия, всё осталось монархическим, ибо французский народ “не имел доверия к себе, не был готов” к построению республики и “искал правление сверху”, “искал людей между депутатами и журналистами... вместо того чтоб искать его в своей здоровой и мощной среде”.

¹ В частном письме к московским друзьям Герцен иронически называет Ламартина Василием Андреевичем, а Марраста Андреем Александровичем, т.е. именами В.А. Жуковского и А.А. Краевского [1, т. XXIII, с. 81, 367].

Герцен вернулся в Париж 5 мая, когда республика, по его мнению, уже “была уничтожена”, а после 15 мая начались репрессии. Аресты, доносы, запрет “собираться толпами на улицах”, тайная полиция, страх, “ненависть между работником и мещанином страшная”, и эта ненависть перешла в “уличный беспорядок”. Таков, по Герцену, обычный ход революций. “К подобного рода *беспорядкам* надобно в республиках привыкать, делать нечего”, – формулирует он в третьем Письме цикла “Опять в Париже” (август 1848) и продолжает там же: “Народ этот (в данный момент французский. – *Е.Д.*) внезапно восстает, неотразимый и грозный, вступает в отчаянный бой с общественным злом, – противостоять ему в эти минуты невозможно, их надобно переждать; по мере того, как он одолевает врага, силы его слабеют, ум тускнеет, энергия исчезает, он делается равнодушным к тому, за что проливал кровь...” [1, т. V, с. 373]. Эта концепция французской революции 1848 г. и вообще социальных народных революций по сути дела останется у Герцена на всю его жизнь. Более того, заканчивает он это Письмо утверждением, что через пятнадцать лет французский народ “снова построит баррикады, усеет трупами улицы, удивит мир героизмом и уступит из рук завоеванное”. Но сейчас Франция “может резаться сколько ей угодно, европейские народы не станут ей подражать и завидовать” [1, т. V, с. 374].

Спустя год – полтора в статьях, составивших в 1850 г. книгу “*Vom anderen Ufer*“, Герцен неоднократно утверждает, что провозглашение конституции отнюдь не обеспечивает равенства и справедливости, а республика, как таковая, не означает освобождения от тирании власти. Современный, по мнению Герцена, “католико-феодальный мир, обновиться не может...”. Республика, как ее понимают многие европейские люди, – “отвлеченная и неудобноисполнимая мысль, плод теоретических дум... преобразование того, что есть... последняя мечта, поэтический бред старого мира...”. “Деятели революции не могут выйти из старых форм...”. “Роковая их ошибка состоит в том, что... они бросились освобождать людей прежде, нежели сами освободились” [1, т. V, с. 50–51].

Герцен сравнивает положение современного ему европейского мира с закатом Римской империи. Центральные главы “*Vom anderen Ufer*” названы латинскими крылатыми формулами: “*Vixerunt!*” и “*Omnia mea mecum porto*” (они сохранены без перевода в авторизованном русском издании книги). Старый мир “отжил” и должен уйти, “унося с собой” все старые формы и идеалы.

Тогда же, в конце 1848 г., в письме к русским друзьям Герцен высказывает достаточно неожиданную мысль: если гражданское бессилие Франции, невозможность найти путь к справедливой организации общества (т.е. “разложение христианско-европейского мира после поражения революции”) обрекает этот европейский мир на годы нравственного застоя, то, может быть, существует другой народ, не столь погруженный в “призраки” своих вековых стандартов и предрассудков? И Герцен находит такой народ: это славяне. “Европа, умирая, завещает миру грядущему, как плод своих усилий, как вершину развития, социализм. Славяне *an sich* имеют в своей дикости социальные элементы”, – пишет он Московским друзьям 5 ноября и допускает, что при всей “дикости”, при необходимости “перебродить и отречься” от “допетровской и послепетровской истории” Россия по своей славянской природе “богата силами, как неистощенная почва” [1, т. XXXIII, с. 111–112]. Мысль эта, возникшая в частной дружеской переписке, становится для Герцена определяющей всю его идеологическую и политическую позицию.

С начала 1849 г. Герцен и Тургенев очень часто встречаются в Париже и в доме Герцена, и на общих прогулках, и при посещении театров. После участия в демонстрации 13 июня Герцен был вынужден с чужим паспортом бежать в Швейцарию, проделав последнюю часть пути пешком. Он прожил там до середины декабря. Тургенев был в курсе многих событий и намерений Герцена, знал о его финансовой поддержке журнала Прудона “*La Voix du Peuple*”.

В сентябре 1849 г. Герцен пишет из Женевы (с оказией) “длинное” письмо к Московским друзьям, в котором оценивает все этапы Парижских событий с 15 мая 1848 по июнь 1849 г. Главный вывод Герцена: “Демократическая сторона, или сторона движенья, была побеждена, потому что она была недостойна победы... Пустым людям, как Ледрю-Роллен, Луи Блан... не может удалиться революция... Ну, делают ли так перевороты? Да и потом, чего они хотели, какие политические перевороты возможны в теперешнее время?... Грядущая революция должна начать не только с вечного вопроса собственности и гражданского устройства, а с нравственности человека, в груди каждого она должна убить монархический и христианский принцип; все отношения людей между собою ложны, все текут из начала власти, все требуют жертвы, все основаны на вымышленных добродетелях, обязанностях... Конец политических революций и восхождение нового мироздания – вот, что мы должны проповедовать...

Надобно оторваться от падающего мира. Мир оппозиции, мир парламентских драк, либеральных форм – тот же падающий мир...” [1, т. XXIII, с. 187–188].

По мысли Герцена, надо уходить от такой демократии *на другой берег*, т.е. на другие пути для поисков нового “будущего”. И этим *другим берегом* может оказаться славянский мир и прежде всего Россия – “каменное поле будущего”, чья “судьба... колоссальна”, хотя в настоящем – это “царство мглы, произвола, молчаливого заморанья, гибели без вести, мучений с платком во рту...” (“Addio!” – [1, т. VI, с. 317]).

В Швейцарии осенью 1848 г. писались Герценом статьи первого немецкого издания “*Vom anderen Ufer*” (1850). Книга начиналась диалогами о “грозе” 1848 г. с вымышленными полемистами и заканчивалась двумя статьями-обращениями к Георгу Гервегу и Джузеппе Маццини. Обе можно назвать первыми попытками “знакомить Европу с Русью”. Это и есть та позиция, которую избирает Герцен, уже принявший решение не возвращаться в Россию.

Вернувшись в Париж в конце 1849 г., Герцен печатает по-французски в газете Прудона “*La Voix du Peuple*” статью “*La Russie*” – несколько переработанный вариант статьи “К Георгу Гервегу”. В этой статье Герцен вспоминает и во многом соглашается с мнениями о России маркиза де Кюстина [2] и барона Гакстаузена [3]. Кратко обозревая русскую историю от Петра до современных дней, Герцен очень подробно останавливается на описании сельской общины, которая, как он считает, хоть и “усыпляла русский народ”, зато защищала его экономически. “Вследствие этого сельский пролетариат в России невозможен”. Герцен делает вывод, что “естественный полудиккий образ жизни” русского народа ... более соответствует идеалу, о котором мечтала Европа... Мы, угнетенные императорским самодержавием, – мы идем навстречу социализму”. Герцен считает, что Петр I с его “энергией революционера и упрямством самодержца” уже совершил в России свою “французскую революцию”, а русский крестьянин “еще более, чем когда-либо, замкнулся в своей общине” и тем самым сохранил себя, “не принимая никакого участия ни в одном из петербургских переворотов”. Он, по Герцену, “охладил к трону и сохранил лишь одну крепость... свою земельную общину, и в силу этого он находится ближе к социальной революции, чем к революции политической” [1, т. VI, с. 199–202, 204–206].

Изложенные по-немецки и по-французски идеи Герцена о возможности “русского социализма”

без революции привлекли внимание европейских демократов. Герцен переписывается с Прудоном, Мишле, Хоецким... В письме к М. Гессу 4 марта 1850 г. Герцен не только резюмирует, но усиливает главную свою идею: “Славянский мир еще не жил во всей полноте своих сил; теперь он инстинктивно приготовил себе огромную арену действия – Россию” [1, т. XXIII, с. 290]. Там же он подчеркивает, что в заглавии его книги “*Vom anderen Ufer*” другой берег означает “за рубежом революции и ничего больше” <de l’ autre cote du terrain de la revolution, cela n’avait pas d’ autre sens> [1, т. XXIII, с. 290]. Так в сознании Герцена закрепляется мысль: в Европе – баррикады, политические революции, кровавые и бесполезные, “все кругом рушится”, “дело идет к военному деспотизму” [1, т. XXIII, с. 251], а “славянский мир еще не жил во всей полноте своих сил”, но теперь он инстинктивно приготовил себе огромную арену действия – Россию” [1, т. XXIII, с. 290].

Летом 1850 г. Герцен начал свой новый цикл о России: исторический обзор русской истории и литературы для европейцев, полемически названный “О развитии *революционных* (курсив мой.– Е.Д.) идей в России”. Наиболее интересной для европейских демократов, несомненно, была глава о декабристском заговоре 1825 года. Полковник Пестель, самый радикальный из революционеров, чья группа, “Южное Общество”, “подготавливала революционную диктатуру”, был сторонником “республиканской федерации славян”. Пестель готов был “вовлечь в революцию поземельную собственность” и, по сути дела, предлагал дворянам “добиваться экспроприации их собственных имений”, что, разумеется, было немислимим для членов созданного им Общества. Пестель, как полагает Герцен, “в случае успеха стал бы диктатором, – он, который был социалистом прежде, чем появился социализм” [1, т. VII, с. 199–200]. Однако Пестель и его друзья не способны были подготовить социальную революцию в России, потому что русский народ и дворяне не могли участвовать в “общем деле”, а русский крестьянин хочет быть свободным, только владея собственной землей, полученной от сельской общины.

Об организации земельной собственности в русской крестьянской общине Герцен подробно писал в статье “*La Russie*” (1849), опубликованной в газете Прудона. В своем новом цикле, прослеживая формирование революционных идей в России, он сделал специальное короткое приложение “О сельской общине в России”. В 1851 г. вышло французское издание брошюры Герцена “Русский народ и социализм”. Ее заглавие говорит само за себя. Все это свидетельствует о том,

насколько серьезно Герцен воспринимал роль России в деле будущего обновления мира. “Эта страна, – пишет он в Эпilogue цикла, – становится почвой, наилучшим образом подготовленной для социального возрождения... Национальный элемент, привносимый Россией, – это свежесть молодости и природное тяготение к социалистическим установлениям” [1, т. VII, с. 251–255].

Таким образом, пережив французские события 1848–1851 гг., Герцен пришел к выводу о невозможности путем насильственных политических актов решать социальные проблемы. Вместе с тем он продолжал искать другие пути “обновления” старой, “гибнущей” европейской цивилизации. Социализм – и философский, и экономический, – понимаемый им как социальная справедливость, все еще казался ему панацеей, и он искал и находил “социалистические установления” даже в крепостнической, “варварской” (как считалось в Европе) и непонятной для всех России.

II

Тургенев получил известия о провозглашении республики во Франции 26 февраля 1848 г., находясь в Брюсселе, и поначалу даже не поверил этому, но тем не менее “в тот же день несся по железной дороге в Париж” [4, с. 135]. Он еще застал и ликование восставших, и баррикады, и “Марсельезу” на улицах, но судя по описанию его жизни в Париже в марте–апреле 1848 г., не был очень увлечен революционными событиями: активно посещал театры и художественные выставки, работал над новыми рассказами, встречался с друзьями...

Если Герцен сразу же по приезде проводил много времени на парижских улицах, чуть ли не вмешиваясь в баррикадные противостояния, явно сочувствуя “блужникам”, негодуя на пассивность инсургентов, то Тургенев, напротив, достаточно скептически отнесся к активности парижских рабочих, не мог понять “чего они хотели, чего боялись, были ли они революционерами или реакционерами”, но сам принцип “революционной бури” (“l’orage”) не отвергал. Он закончил свой отчет Полине Виардо о событиях 15 мая 1848 г. вопросом: “Что же такое история? Провиденье, случайность, ирония или рок” (“Providence, hasard, ironie ou fatalite”) [5, Письма, т. I, с. 304, 364].

Летом и осенью 1848 г. Герцен и Тургенев проводили много времени вместе. В квартире Герцена собирались русские. Тургенев приходил “всякий день”. Вместе гуляли по Парижу. Однажды

их чуть не арестовали по наущению какого-то “бонапартиста” [4, с. 143].

В июле Герцен пишет статью “После грозы” (логически ставшую второй главой в его книге “Vom anderen Ufer”), в августе – сентябре 1848 г. он продолжает свой цикл “Опять в Париже. Письмо десятое”, включенное в книгу “Briefe aus Italien und Frankreich” (“Письма из Франции и Италии”) 1850 г. Тургенев, несомненно, был в курсе того, что писалось Герценом в это время, возможно, даже читал и обсуждал, так же как и отклики на его статьи и брошюры европейской демократической прессы.

До апреля 1850 г. Герцен и Тургенев виделись почти ежедневно, затем Тургенев уехал в Куртавнель, а в июне, не успев повидаться с высланным из Парижа Герценом, в Россию. “Прощай, милый Герцен, желаю тебе всех возможных благ; я от твоего имени обниму всех твоих друзей – мы много будем говорить о тебе с ними...» [5, Письма, т. I, с. 384–385]. Так заканчивает Тургенев свое письмо от 22 июня 1850 г. перед отъездом. Ему фактически было приказано возвратиться и не покидать Россию.

После смерти Николая I (1855) политическая обстановка в России стала меняться, начался либеральный подъем, в 1856 г. ожидалась большая “амнистия” в связи с предстоящей 26 августа коронацией Александра II. Тургенев получил разрешение на поездку за границу и выехал в конце июля. В Петербурге его “усердно чествовали” перед отъездом и не только в прежнем литературном дружеском кругу. До Герцена дошли слухи, что “великие княгини” просили о знакомстве с Тургеневым [1, т. XXVI, с. 25]. Тургенев пробыл в Париже немногим более месяца и 31 августа приехал в Лондон. Он пробыл в доме Герцена 8 дней.

Герцен к этому времени уже активно работал в созданной им Вольной Русской типографии (ВРТ). В феврале 1853 г. была напечатана первая листовка “Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси”. В ней Герцен писал, что снимает с себя “вериги чужого языка” и будет печатать по-русски для русских читателей. “Охота говорить с чужими проходит. Мы им рассказали как могли о Руси и мире славянском...» [1, т. XII, с. 62]. За ней последовали – в виде листовок или отдельных небольших брошюр: “Юрьев день! Юрьев день!”, “Крещеная собственность”, “Поляки прощают нас” и другие. В 1854 г. Герцен напечатал на французском языке перечень изданных ВРТ листовок, брошюр, собственных сочинений, нескольких неподцензурных русских

текстов (письма Емельяна Пугачева, стихотворение “Русский бог” Вяземского – без имени автора). Перечень был невелик. Интерес к ВРТ в Лондоне по-прежнему было мало. Ситуация изменилась лишь после 27 февраля 1855 г., когда Герцен в Лондоне на международном митинге демократических изгнанников в память о февральской революции 1848 г. произнес блестящую речь по-французски.

Политическое credo Герцена оставалось прежним: “великая эпопея освобождения” не удалась во Франции, “старый мир” уцелел и “громоздит трупы прошедшего, чтоб загородить дорогу будущему”. Однако в современном мире существует народ, в котором сложился “бессознательный зародыш” справедливого социального устройства – русская сельская община. Эту мысль Герцен повторял неоднократно в своих статьях 1849–1851 гг. Правда, главный пафос его речи на митинге и при публикации ее во французских и английских газетах был несколько иным: на митинге в память французской революции Герцен хотел подчеркнуть, что Россия имеет свою “революционную закваску” в народе и свою “революционную партию”, которая в 1825 г. открыто выступила против царского “произвола”, а затем скрыто существовала в оппозиции к самодержавию молодых людей “многих учебных заведений”.

По-русски Герцен издал свою речь вместе с другими в сборнике: “Народный сход в память переворота 1848 года” (ВРТ, London, <апрель–май 1855>). Тогда же в виде листовки под заглавием “Полярная звезда” появилось объявление об издании альманаха, который Герцен хотел выпустить ко дню казни декабристов – 13 июля 1826 г., но первая его книга вышла только в августе 1855 г. Пять профилей повешенных декабристов (рисунок Ч. Линтона) было на фронтисписе этой и всех последующих восьми книг.

Открывалась она “Письмом” “к императору Александру второму”, в котором Герцен прежде всего просил государя дать “свободу русскому слову”: “Дайте нам вольную речь... Нам есть что сказать миру и своим”. И тут же, упомянув, что он “неисправимый социалист” и чувствует себя в ответе за благосостояние русского народа, Герцен формулирует необходимость главной перемены в русской жизни: “Дайте землю крестьянам... смойте с России позорное пятно крепостного состояния...” [1, т. XII, с. 273–274].

В той же первой книге “Полярной звезды” было напечатано обращение Герцена “К нашим”. Он звал “образованное меньшинство” русских людей к участию в изданиях ВРТ. “Мы равно пригла-

шаем наших *европейцев* и наших *панславистов*, умеренных и неумеренных, осторожных и неосторожных...” [1, т. XII, с. 296]. Однако русские люди, в том числе, вероятно, и единомышленники Герцена, не спешили участвовать в вольной русской печати.

Вторая книга “Полярной звезды” вышла в мае 1856 г., когда обстановка в России сильно менялась. Большую роль в подъеме общественного сознания сыграла амнистия декабристов и слухи о подготовке к отмене крепостного права. Кроме продолжения “Былого и дум” и нескольких редакционных примечаний Герцена, значительную часть книги занимал раздел “Неизданные стихотворения А. Пушкина, К. Рыльева, М. Лермонтова”, очевидно, полученные из России или привезенные Огаревым, приехавшим в Лондон в апреле 1856 г. Появились в ней и письма читателей. Герцен напечатал одно из первых таких писем с собственным ответом (ПЗ, 2, с. 250).

Автор Письма упрекает Герцена за его слабую осведомленность в “нынешнем движении русской литературы”. Герцен в своем “Ответе” характеризует русскую литературу первой половины 1850-х как “продолжение” того, что он называет “*сознательно-гоголевским* направлением”. Он относит к этому направлению прежде всего “превосходные рассказы Охотника И. Тургенева”, «удивительный роман Григоровича “Рыбаки”... в прямом родстве с “Антоном Горемыкой”... “комедии Островского...” Из новых произведений Герцена «поразила своей пластической искренностью повесть графа Толстого “Мое детство”». Но и она, по мнению Герцена, “не составляет же нового направления” [1, т. XII, с. 316].

Герцен сделал это признание неизвестному автору Письма и читателям ПЗ в начале 1856 г. Можно сказать, что русская литература после смерти Гоголя и Белинского и насильственного удаления из нее Достоевского еще только поднималась на свою новую высоту.

III

Автор “превосходных рассказов Охотника” и близкий друг Герцена, с которым они так много общались в Париже в 1848–1850 гг., почти безвыездно просидевший в своем деревенском имении больше пяти лет, получил наконец в начале 1856 г. заграничный паспорт и после двухмесячного пребывания в Париже в начале сентября 1856 г. приехал в Лондон.

Встретились они после долгого перерыва как старые друзья. Читали друг другу и давали

рукописи ненапечатанных вещей. Герцену нравились близкие по духу к “Запискам охотника” “Поездка в Полесье”, “Разговор на большой дороге”, “Муму”. Тургеневу – первые части “Былого и дум”, только что напечатанные в ПЗ, 2. И, несомненно, он прочел главы из второй части – “Тюрьма и ссылка”, опубликованные отдельным изданием в ВРТ еще в 1854 г. К публицистике Герцена он всегда относился несколько настороженно, поскольку вообще не любил “социальных абстракций”. Между ним и Огаревым, только что прибывшим в Лондон, как-то сразу, что называется, *кошка пробежала*. Спор о России начался с первой же встречи. Отражением этого первого спора стала статья Герцена “Еще вариация на старую тему”.

Первоначально Герцен хотел прибавить к ее названию: “Письмо к И.С.”. Тургенев поначалу согласился, но потом испугался, хотя времена и казались либеральными. Статья была напечатана в ПЗ, 3 с подзаголовком: “Письмо к ...”. Сама форма обращения к навестившему его “другу”, у которого “все волосы седые”, достаточно ясно свидетельствовала о том, с кем спорил автор. Идеологическая позиция Герцена – повторение прежних идей о “смертельно больном Западе”, где даже “кровавая борьба” отнюдь не предвещает “близкого падения мещанства и обновления старого государственного строя”. И хотя “Запад верил в себя и шел вперед, но он убедился в невозможности идти путем прежних революций”, а после июньских дней 1848 г., обозначилась со всею ясностью “незрелость и шаткость революционной партии” [1, т. XII, с. 426, 431].

Вот почему теперь “нечего и думать о прошлых обыденных революциях”, надо искать иные пути для будущего народов, и Россия, которая всегда жила “своим особенным миром”, теперь, “с освобождением крестьян”, может показать Европе “огромный экономический переворот”, проведенный “социально-государственными мерами без насильственных потрясений” [1, т. XII, с. 432].

Об “освобождении” в 1856 г. еще только шли разговоры, как и споры о правах поземельного владения. Герцен, хоть и был в свое время помещиком, наследником крупного имения своего покойного отца, сельский быт знал плохо и в поземельных проблемах русской деревни не разбирался совсем. О русской “сельской общине” он читал у Гакстгаузена и представлял себе ее структуру как сохранение “патриархального зимующего начала”, где “общинное владение землей, мир и выборы составляют почву, на которой легко может возрасти новая общественная жизнь, кото-

рой, как нашего чернозема, почти нет в Европе” [1, т. XII, с. 431].

Герцен завершает свою статью, обращенную к “любезному другу”, лирическим утверждением, что русский народ “в бедных, подавленных проявлениях его жизни” хранит “неосознанное им средство к тому общественному идеалу, до которого сознательно достигла европейская мысль”, т.е. к социализму.

“Любезный друг” Тургенев тоже был русским помещиком, но знал сельскую жизнь и крестьянскую психологию намного лучше. Он жил рядом с народом, ходил с мужиками на охоту, вникал в деревенское хозяйство.

Идеологическая позиция Тургенева восстанавливается в статье только из возражений ему Герцена. “Вы любите европейские идеи, – люблю и я их”, – соглашается Герцен. Но, по его мнению, они – “надгробный памятник”, так как “теперичная жизнь в Европе не сообразна ее идеям”, и *не только идеям*. Ибо “вся творческая способность западных народов истратилась, истощилась, создавая свой общественный идеал, свою науку, стремясь к ним и осуществляя отдельные, односторонние фазы их со всею страстностью и увлечением борьбы, в которой оттого людям так легко умирать, что они на всяком шагу думают достигнуть *полного* идеала своего” [1, т. XII, с. 426]. Очевидно, Тургенев высказывал мысль, что западные “идеи” и “*не только идеи*” (т.е. и действия! – *Е.Д.*) все еще представляют путь к прогрессу в том числе и для России.

В споре с Герценом Тургенев, вероятно, упрекал его в славянофильстве. Действительно, и утверждение о “страшной болезни” Европы, и идеализация русской крестьянской общины – краеугольные камни славянофильской доктрины. В 1840-е годы Герцен отчаянно спорил с московскими славянофилами (К.С. Аксаковым, И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым), доказывая необходимость для России общего со всей Европой прогрессивного движения к справедливому цивилизованному обществу. “Не нашими” (в противоположность “нашим”, т.е. себе и своим единомышленникам – западникам) назвал Герцен славянофилов 1840-х гг. в “Былом и дум”. Но после европейских событий 1848–1851 гг. Герцен изменил свое мнение о “наших”, которые в начале 1840-х сочувствовали европейскому демократическому и революционному движению. Это было для Герцена “былое”, прошедшее. В насильственные пути установления общественного порядка он больше не верил.

Отбросив веру в революционный прогресс, Герцен тем не менее продолжал считать себя

социалистом, поскольку верил в возможность справедливого социального устройства для всех членов общества. Именно это и составляло суть так называемого “русского социализма” Герцена. Тургенев этой доктрине никогда не сочувствовал и не верил, что Россия может пойти в своем развитии иначе, чем Европа.

Герцен в своем споре с Тургеневым в августе 1856 г. доказывал, что объявленные Александром II реформы ставят Россию в новое положение: “Новая жизнь явным образом закипает у нас...”, и всё это потому, что “Россия... является совсем особенным миром, с своим естественным бытом, с своим физиологическим характером – не европейским, не азиатским, а славянским... В основе народной жизни лежит сельская община – с разделением полей, с коммунистическим владением землею, с выборным управлением, с правомочностью каждого работника (тягла)” [1, т. XII с. 424, 429, 432].

Тургенев никогда не сочувствовал идеям об “особом”, благополучном, пути России, он считал их необоснованными и до конца дней называл Герцена “славянофилом”.

В ПЗ, 1, вышедшей в августе 1855 г., которую, несомненно, читал Тургенев в Лондоне, был напечатан первый раздел тридцатой главы “Былого и дум” с подзаголовком: “Панславизм и П.Я. Чаадаев” (позже Герцен назвал всю тридцатую главу “Не наши”). Начиная разговор о тех, кого он считает “противниками” и не называя имен, Герцен отдает должное славянофилам: “Они поняли, что современное состояние России, как бы тягостно оно не было, – не смертельная болезнь”, и видели “выход” “в отречении от петербургского периода”. С этим Герцен, естественно, мог согласиться. Но, тем не менее, он считает, что без “мощной мысли Запада”, т.е. социализма, “невозможно оплодотворить зародыши, дремлющие в патриархальном быту славянском. Артель и сельская община, раздел прибытка и раздел полей, мирская сходка и соединение сел в волости, управляющиеся сами собой, – всё это краеугольные камни, на которых зиждется храмина нашего будущего свободно-общинного быта” [1, т. IX, с. 149]. Так, скорее исправляя, чем принимая их идеи, Герцен солидаризируется с московскими славянофилами.

Тургенев не был согласен со славянофилами в их отношении к русской сельской общине и не разделял “славянофильских” симпатий Герцена к этому “зародышу” социализма. Продолжая спор с Тургеневым, Герцен недаром озаглавил свою статью “Еще вариации на старую тему”.

Очевидно, расхождения в их взглядах на сельскую общину имели место и раньше, еще в Париже, когда Герцен перспективно оценивал эту “общину” в ряде статей для французских, немецких и итальянских читателей, а Тургенев не сочувствовал этой идее и не верил, что Россия может пойти в своем развитии иначе, чем Европа.

В следующем, 1857 г., Тургенев провел в Лондоне целый месяц (май–июнь). Герцен готовил первый номер “Колокола” (вышел с датой 1 июля 1857). Имя Герцена становится для “образованных русских людей” символом *гласности и перестройки*. Спор о судьбе России Тургенева и Герцена продолжается. Отражением этого второго спора является статья Герцена “Революция в России”, в которой идея отрицания революции выражена еще яснее и категоричнее, чем в “Письме к...” 1856 г.

Герцен явно возражает неназванному оппоненту, который привык “видеть с 1789, что все перевороты делаются взрывами, восстаниями, что каждая уступка вырывается силой, что каждый шаг берется с боя”. Он не отрицает “открытой борьбы”, но это, по его мнению, – “отнюдь не единственное”. Есть и другой путь, путь “мирного человеческого развития”, и Россия вступает на этот путь. Франция, по мнению Герцена, “через полвека сломилась и пала под бременем мещанского разврата. Мы не обязаны делать ту же революцию, у нас и задача иная, и силы к ее разрешению иные” [1, т. XIII, с. 28]. Конечно, нелегко перейти “от военного деспотизма и немецкой бюрократии к более простым и народным началам” (т.е. к общине, к крестьянскому коммунизму. – *Е.Д.*) При этом Герцен полон оптимизма и считает, что “опираясь на народ” и на “всех мыслящих и образованных людей в России”, “нынешнее правительство могло бы сделать чудеса” [1, т. XIII, с. 29].

И в этой статье, и в последующих, связанных с темой *перестройки в России*, Герцен очень осторожен в формулировках, он не упоминает прямо о крестьянской общине – краеугольном камне славянофильской доктрины и о центральном пункте огаревской революционной концепции. Герцен идет на компромисс в целях консолидации всех правительственных и интеллигентских возможностей для осуществления реформ в России. Неслучайно он обращается ко всем “мыслящим и образованным” людям, оставляя в стороне споры западников и славянофилов. Именно это поднимает престиж “Колокола”. К концу 1857 г. журнал Герцена становится силой. На этом этапе он мог считать себя победителем в спорах с Тургеневым.

IV

В 1858 г. Тургенев побывал в Лондоне в конце апреля – перед поездкой в Россию и после нескольких месяцев пребывания в Европе. Вряд ли ему понравилась только что появившаяся брошюра Герцена “La France ou L’Angleterre?”, написанная по поводу неудавшегося покушения Орсини на жизнь Наполеона III, казни Орсини и серьезным обострением англо-французских отношений. Герцен делает свой выбор: “С Англией – свобода и мир! С Францией – рабство и война!”. Но в сущности брошюра, имеющая подзаголовок “Variations russes sur le theme de l’attentat du 14 janvier”, гораздо в большей степени посвящена русским проблемам. Поддержка Англии стала следствием прежнего неприятия Герценом французского бонапартизма и революции, “приливы” и “отливы” которой, по его мнению, только “меняют словарь”, но не меняют старый порядок.

Почти половина брошюры посвящена положению России. Герцен в очередной раз подчеркивает, что “она не принадлежит Европе”, является “новой частью света, развивающейся на свой лад” [1, т. XIII, с. 237]. По его мнению, “революция – дело французское”, дело страны, где “социализм из страсти сделался религией – с Сен-Симоном, учением – с Фурье, философией – с Прудоном”, в то время как “английский пролетариат” связывал с социализмом (по Роберту Оуэну) представления об “общественном возрождении” [1, т. XIII, с. 245]. Во Франции с каждой революцией начинается борьба за “нерушимые права человека”, в то время как в Англии “со времен Кромвеля” никто не сомневается в “Common law”. Герцен убежден, что “старая Франция отжила свой век” [1, т. XIII, с. 248]. В России же “обозначилась вторая дорога – дорога развития, реформ, освобождения”, и за три года царствования Александра II страна “спокойно вступает на путь экономической революции” [1, т. XIII, с. 240].

Герцен из своего лондонского далека, конечно, идеализировал русскую ситуацию. Всего трех лет ему оказалось достаточно, чтобы убедиться, как беспокойно, мучительно и малоперспективно протекала русская перестройка. Тургенев, безусловно, понимал русскую действительность гораздо лучше. Он провел почти год в России (с июня 1858 по май 1859), живо интересовался деятельностью различных комитетов по крестьянским делам, вникал и в собственные хозяйственные деревенские проблемы. Пытался даже написать статью о современном значении русского дворянства... В России шло явное полевение,

в “Современнике” радикальная разночинная молодежь брала верх, люди умеренных направлений объявлялись *лишними*. Писатель с его “Дворянским гнездом” и “Накануне” имел все шансы попасть со временем в их число.

Когда Тургенев в июне 1859 г. снова появился в Лондоне, в “Колоколе” № 44 только что была напечатана статья Герцена “Very dangerous!!!”, которую автор справедливо называл «головомойкой “Современнику”». Общее неприятие чернышевско-добролюбовских концепций, естественно, сблизило их, на время сгладило разногласия. Тургенев писал М. Маркович в эти дни: “Я ездил в Лондон, пробыл там неделю – и каждый день видел Герцена: он бодр и крепок – внутренняя грусть меньше его точит, чем прежде: теперь у него есть деятельность. Натура могучая, шумная и славная” [5, Письма, т. III, с. 303]. Герцен в письме к сыну от 12 июня 1859 г. так отозвался о Тургеневе: “Был здесь Тургенев, который посидел еще, но все так же умен и ужасно тешил нас расказами” [1, т. XXVI, с. 273].

Весь 1860 год в русской журналистике продолжались споры молодых и старых, *лишних*, журналистов. Тургенев жаловался Анненкову и Фету, что так называемые “молодые критики” полагают, что ему “пора подать в отставку из литературы” и “уступить дорогу юношам” [5, Письма, т. IV, с. 125]. Раздражали его не только критики (Чернышевский и Добролюбов), но и сам редактор “Современника” Некрасов: “В подобном журнале нельзя участвовать порядочному человеку” [5, Письма, т. IV, с. 137]. Такая позиция Тургенева, естественно, сблизжала его с Герценом, который продолжил свою “головомойку” “Современнику” в статье “Лишние люди и желчевики”. Герцен закончил эту статью ироническим описанием своей встречи с Чернышевским, назвав его “мрачным невским Даниилом” и “желчевиком”. Чернышевский много лет спустя вспоминал, что он специально приезжал в Лондон “ломать” Герцена [6, т. 15, с. 790].

В 1860 г., накануне объявления крестьянской реформы, Герцен и Тургенев, как и подавляющее число русской либеральной интеллигенции, пребывали в ожидании. Это не особенно располагало к спорам. Тургенев был настроен скептически. В письмах к И.С. Аксакову он жаловался, что “крестьяне перед разлукой с господами... тащат с господ всё, что могут: хлеб, лес, скот и т.д. Я это вполне понимаю... *Трезвости* у нас нет – такой пьяный уголок. Так и будут крестьяне сидеть на оброке с землей... О *мире*, об *общине*, о мирской ответственности в наших околотках

никто слышать не хочет: я почти убеждаюсь, что это надо будет *наложить* на крестьян в виде административной и финансовой меры: сами собой они не согласятся – они дорожат миром только с юридической точки зрения, – как *самосудством*, если можно так выразиться, но никак не иначе” [5, Письма, т. III, с. 358].

Как видим, Тургенев откровенно отрицал жизнеспособность и полезность русской крестьянской общины еще в канун освобождения. Не удивительно, что после Манифеста 1861 года он, хорошо знакомый с положением в русской деревне, был весьма критически настроен по отношению к позиции Герцена, всё еще идеализировавшего общинное землевладение.

Летом 1860 г. Тургенев совершил только “небольшую поездку” к Герцену [5, Письма, т. IV, с. 120], но переписка была очень оживленной. В сентябрьских и октябрьских письмах Тургенев возмущенно писал, что “дело крестьянского освобождения пошло скорой рысью назад”, а русская внешняя политика напоминает ему “самую скверную эпоху николаевщины” [5, Письма, т. IV, с. 129, 143].

В Петербурге писателю очень не по душе было “хаотическое состояние” в литературе, споры “старых” и “молодых”, “утилитаристов” и “лишних”. В письме к Герцену от 12 октября он писал: «Я понял конец “Желчевиков” – и сугубо тебе благодарен. Пора этого бесстыдного мазурика (очевидно, Некрасова. – *Е.Д.*) – на лобное место. И за нас, лишних, заступился. Спасибо» [5, Письма, т. IV, с. 143].

В общей политике и в литературных вопросах Тургенев и Герцен в эти годы были единомышленниками. Герцен в статьях и редакционных заметках “Колокола” резко осуждал сближение Александра II с австрийским кайзером и политику жестокого подавления Польши. В статье “За пять лет” Герцен упрекает императора Александра II за то, что он, “испуганный какими-то призраками”, боится “совершить подвиг *освобождения крестьян с землею*” [1, т. XIV, с. 276].

В конце 1860 г. в “Колоколе” автором публикаций по конкретным проблемам приближающейся крестьянской реформы был в основном Огарев, убежденный сторонник общинного землепользования. В статье, открывающей “Колокол” 1 января 1861 (№ 89), он писал о задачах, стоящих перед русским дворянством в деле организации “общинного и общественного самоуправления”. Герцен настойчиво рекомендовал эту статью Тургеневу, однако он, давно недолюбливая Огарева, не обратил на нее внимания. И вообще,

зная апологетическое отношение Герцена к своему другу, в споры с Огаревым никогда открыто не вступал.

V

Манифест об освобождении крестьян был опубликован в марте 1861 г. Герцен не был от него в большом восторге (“не дурен”), но продолжал верить, что Россия входит “клином социального переворота в совершенно новую фазу” [1, т. XXVII, с. 141].

Тургенев писал Герцену из Парижа 13 марта 1861 г., что, по официальным источникам, “окончание крестьянского вопроса” таково: “переходное время будет продолжаться 2 года (а не 9 и не 6), надел остается весь – с правом выкупа. Плантадоры в Петербурге и здесь в ярости неизъяснимой” [5, Письма, т. IV, с. 205]. Добавив некоторые подробности, Тургенев радуется: “...дожили мы до этих дней, а все не верится... и лихорадка колотит...”. Через несколько дней он посылает Герцену рукописную копию печатного текста Манифеста, присланную Анненковым, со словами, что, несмотря на “неуклюжий русский язык” и нелепые фразы вроде “добрые патриархальные условия”, которые ни один русский мужик не поймет, “дело устроено, по мере возможности, порядочно” [5, Письма, т. IV, с. 211].

Впрочем, и Герцен до обострения ситуации в Польше писал Тургеневу: “Александр Николаевич молодцом”; “Галилеянин-то победит” [1, т. XXVII, с. 138, 140].

В 1861 г. между Тургеневым и Герценом шла оживленная переписка, но они в этот год не встречались. Возможно, причиной было всё то же неприязненное отношение Тургенева к Огареву, в котором ему была “не по нутру какая-то московская закваска” [5, Письма, т. IV, с. 210]. Он написал Герцену какое-то (неизвестное нам) письмо, и в ответ Герцен упрекал Тургенева: “В России так бедно людьми, что видеть, как расходятся благородные и чистые деятели, противно и грустно” [1, т. XXVII, с. 149]. Несколько позже Тургенев дал понять, что изменил свое отношение к Огареву и настроен “дружески”. Герцен, очевидно, по этому поводу заметил в письме от 15 октября: “Нам всем – последним могикианам – расходиться нельзя” [1, т. XXVII, с. 186].

Тем не менее *последние могикиане* – русская оппозиционная интеллигенция 1860-х, явно расходилась в разные стороны. Тургенев покинул “Современник”, перейдя во враждебный Некрасову “Русский вестник”. Чернышевский после

свидания в Лондоне иронически отзывался о Герцене: “Кавелин в квадрате”². В самом конце декабря 1861 г. в Лондоне появился М.А. Бакунин, бежавший из сибирской ссылки через Америку. Он был полон энтузиазма и прежних своих экстремальных идей.

Герцен после долгих споров, преодолевая сопротивление Огарева, отказался печатать продолжение статьи Бакунина, предлагавшего организовать революционную партию, которая будет всеми средствами (в том числе и “топором”) бороться за разрушение Российской монархии и установление “народного царства”.

Как раз в период идеологических споров с Бакуниным Герцен напечатал в “Колоколе” свою небольшую, но очень категоричную статью со странным названием “Мясо освобождения”, в которой звучит самое решительное отречение от революционных действий: “Нет, господа, полно нам из себя представлять громовержцев и Моисеев, возвещающих молнией и треском волю Божию... Методы *просвещений* и *освобождений*, придуманных за спиной народа и втесняющих ему его *неотъемлемые* права и его благосостояние топором и кнутом, исчерпаны Петром I и французским террором...”. Далее Герцен со всей резкостью формулирует свое отвращение от кровавых переворотов: “Великая основная мысль революции, несмотря на философские определения... быстро перегнула в полицию, инквизицию, террор, желая *восстановить* свободу народа, для скорости обращались с ним, как с материалом благосостояния, *мясом освобождения*, *chair au bonheur public*, вроде наполеоновского пушечного мяса” [1, т. XVI, с. 27–28]. Не щадит Герцен и теоретических социалистов. Всем этим “книжникам революции” Герцен категорически заявляет: “*Народ не с вами!*” [1, т. XVI, с. 29].

Статье “Мясо освобождения” Герцен придавал очень большое значение и интересовался мнением о ней многих своих друзей. Позже, в споре с Ю. Самариным, он приводил ее как доказательство своего отвращения к революционным методам. 3 февраля 1862 г. Герцен спрашивал Тургенева: «Как тебе по вкусу “Мясо освобождения”»? [1, т. XXVII, с. 208]. В следующем письме он снова спрашивал об этой статье. Но Тургенев так и не ответил, или, может быть, его письмо до нас не дошло.

Во втором номере “Русского вестника” были напечатаны “Отцы и дети”. Бурная полемика началась сразу же. Тургенев всю весну находился в Париже и целиком был погружен в интенсивную переписку о своем романе.

Герцен получил “Русский вестник” только в апреле и прочел роман “за присест”. Он ему не понравился, как не нравились и другие романы Тургенева, особенно “Накануне” (он называл его – “Послезавтра”). “Отцы и дети” Герцен назвал “Tendenzschrift’ом” и считал, что Тургенев, рассердившись на “Современник”, нарисовал карикатуру на молодых радикалов. Если бы “писавши... ты забыл о всех Чернышевских в мире”, убеждал он автора, “было бы для Базарова лучше” [1, т. XXVII, с. 217]. Тургенев не согласился с Герценом и отвечал ему, что “не чувствует себя виноватым перед Базаровым”, что “хотел сделать его волком и все-таки оправдать его”.

В мае 1862 г. Тургенев всего на три дня приехал в Лондон перед поездкой в Россию. О многом они говорили и спорили: и о напечатанном в журнале Каткова романе “Отцы и дети”, и о самом Каткове, и, конечно, более всего о судьбе России. Сразу после отъезда Тургенева Герцен решил написать и напечатать “авангардное письмо о нашем споре” [1, т. XXVII, с. 222]. Из этого замысла вырос целый цикл – “Концы и начала”.

Первое и второе Письма цикла создавались в июне–июле 1862 г. под впечатлением неостывших майских споров с Тургеневым и полемической переписки с К.Д. Кавелиным, с его изданной в Берлине брошюрой “Дворянство и освобождение крестьян”³.

В последующих Письмах (третьем и четвертом) Герцен, по сути дела, повторяет без существенных изменений свою антифранцузскую, *антимещанскую* доктрину: в Европе – “один камень преткновения – *мещанство*... Мещанство – идеал, к которому стремится, подымается Европа со всех точек дна... Мещанство – последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности... снизу все тянется в мещанство, сверху все само падает в него... Заработавшая себе копейку толпа одолела и по-своему жуирует и владеет миром” [1, т. XXVI, с. 136–138]. Поэтому в Европе – “концы, одни концы”. Здесь “давно догадались”, что “идея революционная имеет только отрицательное значение: одна ломает, не зная для чего, другая хранит – не зная для чего... не было ясной цели. А если цели нет,

² Письмо к Добролюбову о своей поездке в Лондон Чернышевский презрительно заканчивал: “Кавелин в квадрате – вот вам и все” [6, т. 14, с. 379]. Для Чернышевского К.Д. Кавелин – символ враждебного либерализма.

³ Письма Герцена к Кавелину и комментарий к ним см.: [1, т. XXVII, с. 226–227, 237, 698–699].

все может быть целью... Наполеон их уверил, что он цель..." [1, т. XVI, с. 141].

Размышляя о судьбах европейских народов, Герцен отводит себе роль "прозектера": "лекарств не знаем, да и в хирургию мало верим" [1, т. XVI, с. 148].

Таков был итог многолетних раздумий, социальных исканий, революционных порывов и разочарований Герцена. Прошедший через 14 лет европейской жизни, он нашел в самой спокойной и свободной тогда стране возможность гражданской деятельности на благо его оставленной родины. Естественно, отойдя от русской жизни, как бытовой, так и интеллектуальной, Герцен представлял себе русские факты и проблемы достаточно умозрительно. Отсюда и убеждение, что в России, в противоположность остановившемуся Западу (где одни "концы!"), существует движение – "начала". Народный быт, крестьянская община после отмены крепостного права может стать зародышем будущего социально справедливого общества. Можно будет обойтись и без потрясений...

Цикл "Концы и начала" печатался в "Колоколе" (№№ 138–156; 1 июля 1862 – 15 февраля 1863) как письма к "любезному другу". Письмо первое напечатано в № 138 (вышел 19 июня 1862); второе – в № 140 (вышел 20 июля 1862).

Тургенев прочитал первые два Письма и совсем не рассердился, как ожидал Герцен, но заметил, что, по его мнению, он, Герцен, "вопрос не так поставил" [5, Письма, т. V, с. 38]. Он хотел отвечать ему сразу же печатно, в "Колоколе", но побоялся и ответил по существу лишь позже в частном письме 26 сентября 1862 г., прочитав в "Колоколе" еще два Письма (третье и четвертое). И высказался безо всякой оглядки.

Письма третье и четвертое датированы августом и сентябрем 1862 г. (P.S. к четвертому Письму – 7 сентября). Не получив еще ответа от Тургенева, Герцен, развивая свою концепцию современности, в Письме третьем отдает должное "титанам революции" 1789 г., "старикам" "святым Дон-Кихотам", которым "некому сдать честь и место". И здесь автор "Концов и начал" переходит на тургеневскую метафорическую типологию: "Что выстрадали эти *отцы* с своими *детьми*, одинокие в своих семьях..." [1, т. XVI, с. 151–153].

Герцен считает, что на нынешнем европейском поколении "начинает свое отступление революционная эпоха... Здесь дети *старше* своих отцов, старше своих дедов ... старость-то и есть главная характеристика теперь живущего поколения...

Куда я ни смотрю, я везде вижу... *концы*, и все ищу, ищу *начала*, – они только в теории и отвлечениях" [1, т. XVI, с. 155–157]. "Концы!.. Концы!.." – повторяет Герцен в постскриптуме к четвертому Письму. "Прощайте, великие безумцы; прощайте, святые Дон-Кихоты!..". И далее: "А жаль, жаль их – этих благородных прошедших!"

На эти четыре Письма и отвечает Тургенев в своем частном письме к Герцену из Баден-Бадена 8 октября 1862 г. "Вы, – пишет он, имея в виду Герцена и Огарева, – кружитесь в тумане – и что всего важнее, в сущности *отрекаетесь от революции* – потому что народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор *par excellence* – и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе... что далеко оставит за собою все метко верные черты, которыми ты (т.е. Герцен. – Е.Д.) изобразил западную буржуазию в своих письмах... Приходится вам (это уже больше по адресу Огарева. – Е.Д.) приискивать другую троицу, чем найденную вами: *земство, артель и община*" [5, Письма, т. V, с. 51–52]. "Эх, старый друг, – заканчивает Тургенев, – поверь: единственная точка опоры для живой, революционной пропаганды – то меньшинство образованного класса в России, которое Бакунин называет и гнилым, и оторванным от почвы, и изменниками. Во всяком случае, у *тебя* другой публики нет" [5, Письма, т. V, с. 53].

Герцен получил эти возражения Тургенева и отвечал ему (разумеется, не называя) в пятом (недатированном) и шестом (20 октября) Письмах в "Колоколе" № 148 (вышел 22 октября).

В Письме шестом, развивая все ту же тургеневскую метафорическую типологию, Герцен констатирует ее как общий для Европы социальный факт: люди на Западе "с двойным ужасом стали разглядывать, что у революции – не только нет *отца*, но нет и *сына*. Страшные бесплодные Июльские дни 1848 были протестом отчаяния; они не создавали, они разрушали, – но разрушаемое оказалось крепче... Утопия демократической республики улетучилась так же, как утопия царства небесного на земле". И далее: "Нет, не пойдет человек нашего времени ни за один развенчанный идол с тем светлым самоотвержением, с которым шел его предок на костер за право петь псалмы, с той гордой самоуверенностью, с которой шел его отец на гильотину – за единую и нераздельную республику. Ведь он знает, что ни псалмы, петые по-немецки, ни освобождение народов по-французски ни к чему не ведут" [1, т. XVI, с. 179–180].

Кроме того, Герцен написал Тургеневу 1 ноября короткое письмо, в котором, не вдаваясь в идеологическую полемику, все же спросил, как ему «нравится продолжение писем “Концы...”» [1, т. XXVII, с. 262].

Тургенев ответил Герцену, как обычно, частным письмом 4 ноября 1862 г. Касаясь общественных проблем, затронутых Герценом в пятом и шестом Письмах, Тургенев без обиняков не принимает ни политической, ни идеологической позиции Герцена, равно как Бакунина и Огарева. “Концы и начала” он считает “умными, тонкими и красивыми”, но “без вывода и применения”. Тургенев полагает, что в основе “антитезы” Запада, “прекрасного снаружи и безобразного внутри”, и Востока (т.е. России), “безобразного снаружи и прекрасного внутри, – лежит фальшь...”. И “на ней, – продолжает Тургенев, – мне видятся белые нитки и истертые локти – и все твое красноречие не спасет ее от зияющей могилы, где она будет лежать en très bonne compagnie вместе с философией Гегеля и Шеллинга, французской республикой, родовым бытом славян и – дерзну прибавить – статьями великого социалиста Николая Платоновича (Огарева. – Е.Д.)” [5, Письма, т. V, с. 64].

Продолжая считать неправомочным противопоставление Герценом Запада и Востока и упрекая его в том, что он “за 16 лет отсутствия из России пересоздал ее в своей голове”, Тургенев полагает, что судьба России, ее дальнейшее политическое развитие будет подобно Европе: “Россия – не Венера Милосская в черном теле и в узах; это – такая же девица, как и старшие ее сестры – только вот задница у ней пошире – и она уже <... > – и так же будет таскаться, как и те” [5, Письма, т. V, с. 65].

Через четыре дня, 8 ноября, Тургенев снова продолжает эту тему, но уже без непристойных слов, и отвечает на Письмо шестое: “Ты с необыкновенной тонкостью и чуткостью произносишь диагноз современного человечества, но почему же это непременно западное человечество, а не “bipedes” <двуногие> вообще?.. Враг мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься перед русским тулупом и в нем видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущих общественных форм – das absolute, одним словом – то самое absolute – над которым ты так смеешься в философии... История, филология, статистика – вам все нипочем; нипочем вам факты, хотя бы, например, тот несомненный факт, что мы, русские, принадлежим и по языку и по породе к европейской семье “genus Europaeum” – и следовательно, по самым неизменным законам

физиологии, должны идти по той же дороге... Одно из двух: либо служи революции, европейским идеалам по-прежнему, либо имей дух и смелость посмотреть черту в оба глаза, скажи guilty – в лицо *всему европейскому человечеству* и не делай явных или подозреваемых исключений в пользу новодолженствующего прийти росейского мессии, в которого, в сущности, ты лично так же мало веришь, как и в еврейского” [5, Письма, т. V, с. 67–68].

Герцен ответил 22 ноября. Он еще был зол на Тургенева за иронию по отношению к Огареву в предыдущем письме: “О какой теории социализма Огар<ева> ты говоришь? Каким мнением, каким выводом ты недоволен, в чем не согласен? Почему его добросовестный труд ты ставишь на одну доску с fatras <пустословие> бакунинской демагогии?... Ты имеешь зуб на молодое поколение и грызешь им старое” [1, т. XXVII, с. 265].

В ответном письме (25 ноября 1862 г.) Тургенев просит извинить его за “непочтительные намеки” на Огарева, лучше сказать, на его теорию и отвергает обвинения в раздражении против молодого поколения: “Я все-таки европеус – и люблю знамя, под которое я стал в молодости. Ты одной рукой рубишь его древко, а другою ловишь какое-то для нас еще невидимое древко – это твое дело – и может быть, ты прав... Но ты менее прав, приписывая мне какие-то побочные цели” [5, Письма, т. V, с. 73].

Герцен откликнулся немедленно – 29 ноября. Он поддерживает свое прежнее осуждение “нигилизма” Тургенева: это, по его мнению, “нигилизм усталости, отчаяния в противоположность нигилизму задора и раздражительности у Чернышевского”. Здесь же Герцен заметил, что «в письменном tête-à-tête... критиковать друг друга “скудно”», и он будет отвечать Тургеневу в “следующей серии писем в “Колоколе” [1, т. XXVII, с. 265–266].

Тургенев ответил, как обычно, в частном письме 3 декабря 1862 г. Он не сочувствует Огареву «во-1-х... за его “старинные социалистические теории об общей собственности”», «во-2-х, потому что он в вопросе освобождения крестьян и тому подобных показал значительное непонимание народной жизни... в 3-х, наконец, потому, что даже там, где он почти прав... он излагает свои воззрения языком тяжелым, вялым и сбивчивым, обличающим отсутствие таланта...”. Тургенев считает, что популярность “Колокола” в России падает, ибо России “не до социализма”, а статьи Огарева и Бакунина – это уже не «герценовский, не прежний “Колокол”, как его понимала и любила Россия» [5, Письма, т. V, с. 74–75].

Герцен 12 декабря послал с дочерью, едущей в Париж, небольшое письмо Тургеневу, где сообщил ему, что в «будущем “Колоколе” 1 янв<аря> снова будут “Концы и начала”», но это “еще не ответ”, а “так, веселенькая – историческая – плясовая” [1, т. XXVII, с. 270].

Действительно, в “Колоколе”, вышедшем 1 января 1863 г., напечатано Письмо седьмое (датировано Герценом 29 декабря 1862). В нем обозначены все те же неоднократно поднимаемые в “Концах и началах” проблемы: Европа – революция – социализм, которые Герцен развивает теперь в ироническом ключе (“веселенькая ... плясовая”). Здесь есть Автор, т.е. сам Герцен, и его герои из повести “Поврежденный” 1851 г., которых он теперь “встречает” в Лондоне. Поврежденный, он же Евгений Николаевич, русский помещик, тронувшийся умом и парадоксально воспринимающий мир. Его сопровождает здоровый, веселый Лекарь, готовый за хорошее вознаграждение отправиться со своим больным “хоть в Техас”. Лекарь, как ему, “ученику Гиппократу”, положено, стоит за “радикальное лечение” Европы и смеется над социалистами. Евгений Николаевич в связи с судьбой Европы пессимистически вспоминает “крота”, который всю жизнь роется в земле, выстраивает “отличные коридоры” и умирает, так и не увидев их никогда. Автор-Герцен слушает споры Лекаря с Поврежденным и заканчивает эту прелюдию поздравительными словами на новый год своему Адресату-Тургеневу, прибавляя при этом, что у него самого “на кротовую работу – лапы чешутся” [1, т. XVI, с. 192].

Однако настоящий “ответ” Адресату-Тургеневу Герцен готовил в восьмом Письме. Это последнее Письмо “Концов и начал” было напечатано в “Колоколе”, вышедшем 15 января 1863 г. Здесь сначала шутивно, а потом со всей серьезностью упоминается оппонент. Продолжая мистификацию седьмого Письма, Автор называет его: “не Поврежденный, а напротив, один Поправленный господин”, который якобы “вошел” в комнату к Автору «с “Колоколом” в руке» и был очень решительно настроен против Автора.

Этот “поправленный” (Автор так назвал его еще один раз, а затем стал называть просто “противником”) утверждал, что “Колокол” имеет “самое пагубное влияние на нашу молодежь, которая учится у вас неуважению к Европе, к ее цивилизации”... Сразу же становится понятным, что “противник” – это прежний Адресат Автора “Концов и начал”, т.е. Тургенев. И Автор-Герцен теперь возражает *ему*: “нашу русскую молодежь очень трудно испортить...”, тем более “какой-ни-

будь горькой правдой о Западе”. Поэтому Автор-Герцен отстаивает свое право говорить то, что он считает “правдой”. Затем Адресат “Концов и начал” упрекает Автора в том, что он, может быть, и сам не уверен в своей “правде”: “Вы хороший прозектер, как сами говорили, и плохой акушер” [1, т. XVI, с. 193].

Действительно, во втором Письме “Концов и начал” (20 июля 1862) Автор-Герцен писал своему Адресату-Тургеневу, имея в виду современную европейскую ситуацию: “Можно вовсе не знать медицины и ясно видеть болезнь... Христиане, плакавшие о грехах мира сего, социалисты, раскрывшие раны быта общественного, и мы, *недовольные, неблагодарные* дети цивилизации, мы вовсе не врачи – мы *боль*; что выйдет из нашего кряхтения и стога, мы не знаем – но *боль заявлена...* Может, какой-нибудь кризис и спасет от китайского маразма. Но откуда он придет... этого я не знаю, да и Ст<юарт> Милль не знает... Мы смиренно держимся точки зрения *прозектера*. Лекарств не знаем, да и в хирургию мало верим” [1, т. XVI, с. 147–148].

Тургенев не ответил тогда на эту часть Второго Письма, опасаясь неприятностей из-за контактов с Герценом (о чем был предупрежден). Метафора “хирургия” была слишком очевидна, и обсуждать возможность ее применения было рискованно даже в частной переписке. Но, по сути, именно о *хирургии*, т.е. о революции, они и спорили.

Но не только. Последняя часть восьмого Письма – это апологетическое пророчество Автора в защиту России, на которую, по его мнению, совершенно неправильно смотрит Адресат. В конце восьмого Письма Автор, завершая весь цикл, полемизирует с главной концептуальной позицией Противника, считающего, что Россия – та же Европа. “Поправленный” господин утверждает: “... мы, русские, принадлежим и по языку, и по породе к европейской семье, *genus europaeum*, и следовательно, *по самым неизменным законам физиологии должны идти по той же дороге*. Я не слыхал еще об *утке*, которая принадлежа к породе уток, дышала бы жабрами ... ” [1, т. XVI, с. 195]. (Здесь Автор, устами “Поправленного”, излагает слово в слово позицию Тургенева в его письме к Герцену от 8 ноября 1862 [5, Письма, т. V, с. 67], даже пресловутая “утка” оттуда!)

Далее Герцен-Автор внезапно оставляет своего сконструированного “Противника” и обращается на “ты” к Адресату Писем. Придуманный теперь “ученый друг”, он же “Противник”, “принимает, как **ты** видел, за несомненный факт, за неизменный физиологический закон, что если русские

принадлежат к европейской семье, то им предстоит та же дорога и то же развитие, которое совершенно романо-германскими народами, но в своде физиологических законов такого параграфа не имеется... Общее происхождение нисколько не обуславливает одинаковость биографий” [1, т. XVI, с. 195–196].

Продолжая эту тему, Автор “Концов и начал” готов к некоторым компромиссам: “может” Россия в своем “устройстве” “пройдет” и европейской “мещанской полосой”, но нет основания считать, что это обязательно. Здесь Герцен полемизирует с письмом Тургенева от 4 ноября, где тот весьма неуважительно, употребляя бранные слова, говорил, что Россия, как и ее западные “сестры”, “будет таскаться как и те”, т.е. пройдет и через революции, и через мещанство, и через разного уровня Бонапартов [5, Письма, т. V, с. 65].

Заканчивает Герцен “Концы и начала” в декабре 1862 г. апологетическими пророчествами богатого будущего России: “Народ русский, широко раскинувшийся между Европой и Азией, принадлежащий каким-то двоюродным братом к общей семье народов европейских, он не принимал почти никакого участия в семейной хронике Запада. Сложившийся туго и поздно, он должен внести или свою полную неспособность к развитию или развить что-нибудь свое под влиянием былого и заимствованного, соседнего примера и своего угла отражения.

До нашего времени Россия ничего не развила своего, но кое-что сохранила...” [1, т. XVI, с. 197].

По мнению Автора “Концов и начал”, нет такого “неизменного закона физиологии: принадлежишь к *genus europaeum* так и проделывай все старые глупости на новый лад... Будущее импровизируется на тему прошедшего. Не только фазы развития и формы быта изменяются, но создаются новые народы и народности, которых судьбы идут иными путями. На наших глазах образовалась новая порода, *varietas* <разновидность> *сводно и свободноевропейская*” (т.е. Америка. – Е.Д.). “Американца почти всегда узнаешь... своеобразный, характеристический народ. Почему же народ (русский. – Е.Д.), самобытно развившийся при совершенно других условиях, чем западные государства, с иными началами в быте, должен пережить европейские зады, и это – зная очень хорошо, к чему они ведут?” [1, т. XVI, с. 197–198].

Так заканчивает Герцен свою полугодовую полемику с Тургеневым. Таков был итог его многолетних размышлений, социальных исканий, революционных порывов и разочарований. Не принимая главный тезис Тургенева о неиз-

бежности для России европейского пути развития, Герцен в конечном счете предостерегает от трагического и бесполезного (с его точки зрения) повторения “европейских задов”, т.е. “революционных бурь”.

Восьмое Письмо “Концов и начал” датировано автором 15 января 1863. Через несколько дней грянуло польское восстание, и “Колокол” должен был открыто определить свою позицию к этой, конечно специфической, но явно революционной буре. Герцен и Тургенев снова оказались здесь на разных позициях.

Отчасти этому способствовали неожиданные обстоятельства. 12 февраля (н.с.) 1863 г. Тургенев написал Герцену: “Можешь ли ты себе представить: меня, меня, твоего антагониста, Третье отделение требует в Россию, с обычной угрозой конфискации и т.д. в случае неповиновения” [5, Письма, т. V, с. 95]. Позже выяснилось, что среди обвинительных пунктов сенатской комиссии были и “сношения с лондонскими пропагандистами” (см.: [1, т. XXVII, с. 743]). Тургенев, как известно, испугался, писал к царю, в конце концов поехал в Петербург и дал объяснения.

Герцен ответил на это письмо 20 февраля, еще не зная, чем все кончится, но не видел сигналов для сильного беспокойства. 11 апреля 1863 г. он снова писал к Тургеневу в обычной своей дружески-шутливой манере. 22 июля 1863 г. Тургенев, отвечая Герцену, фактически останавливал переписку: “Наши мнения слишком расходятся – к чему бесплодно дразнить друг друга?” [5, Письма, т. V, с. 146]. Полгода переписки не было.

VI

Возвратившись из России зимой 1864 г., Тургенев прочитал в № 177 “Колокола” (вышел 15 января) анонимную редакционную заметку “Сплетни, копоть, нагар и пр.”, в которой сразу же принял на свой счет следующую характеристику: «Корреспондент наш говорит об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого “она прервала все связи с друзьями юности”» [1, т. XVIII, с. 35].

Тургенев, по его словам, “долго колебался”, но все же решил ответить Герцену, в авторстве которого, очевидно, не сомневался, как и не сомневался, что Герцен именно его имел в виду. “Я не полагал, – пишет Тургенев 2 апреля 1864 г., – что ты точно так же (как Бакунин. – Е.Д.) пустишь

грязью в человека, которого знал чуть не двадцать лет, потому только, что он разошелся с тобою в убеждениях” [5, Письма, т. V, с. 241]. К этому письму Тургенев приложил автокопию своего письма к царю от 3 февраля 1863 г. из Парижа, в котором писал: “Образа мыслей своих я никогда не скрывал, деятельность моя известна всем, предосудительного поступка я за собой не знаю. Я писатель, В<аше> В<еличество,> и больше ничего: вся моя жизнь выразилась в моих произведениях...” (выделено мною. – Е.Д.) [5, Письма, т. V, с. 382].

Герцен ответил Тургеневу длинным письмом, не вполне даже примирительным, подтверждая, что “мы разошлись, хотя в самом деле, особенной близости между нами никогда и не было”. Он желал ему от души сделаться тем, чем был, “**независимым писателем**” (выделено мною. – Е.Д.) [1, т. XXVII (2), с. 454–455]. Очевидно, Герцен иронизирует здесь над Тургеневым в связи с его словами в письме к Государю.

Сохранился черновик этого письма к Тургеневу. В нем Герцен все же пытался извиниться за “седовласую Магдалину”. Он писал, что в Париже слышал, будто Тургенев, отвечая на вопросы сенатской комиссии, “письменно отрекался” от своих дружеских связей. “Если это выдумка, – писал Герцен в черновике, — **мне жаль несколько слов напечатанных...**”. Тем не менее Герцен не включил даже этого скупого извинения в письмо 10 апреля 1864 г. [1, т. XXVII (2), с. 836]. После этого переписка прекратилась на 3 года.

Это были для Герцена трудные годы. “Колокол” терял популярность в России. Герцен был вынужден искать европейского читателя. И снова, как это было после революции 1848 г., он решает “знакомить Европу с Русью”. В октябре 1864 г. в газете “La Cloche”, а затем с дополнениями в отдельной брошюре появляется статья Герцена “Nouvelle phase de la literature russe”, в которой дается обзор русской литературы от Кантемира и Радищева до Чернышевского и Тургенева. Именно Тургенева считает Герцен родоначальником “нового” направления, “новой фазы в русской литературе”. По его мнению, это писатель, который “создал себе ... видное и независимое положение, артист и наблюдатель, художник и фотограф... создает, вместо своих великолепных картин... *тенденциозные романы...*” [1, т. XVIII, с. 215].

Далее Герцен достаточно иронически характеризует тургеневские романы 1860-х гг.: “Увлеченный потоком прогрессивных идей, Тургенев рисует нам агитатора, фанатика национализма... болгарского заговорщика, мечтателя, освободи-

теля in spe (в будущем.– Е.Д.), белый негр среди своих, он не знает, что делать, и, весьма молодым и кашляя, как Травиата, отправляется умирать на берега Адриатики”.

Но не столько Инсаров, сколько следующий герой Тургенева, Базаров, вызывает у Герцена острое раздражение. Он считает, что Тургенев ставил перед собой задачу “устроить головоломку молодому поколению”. Но при этом “время, тип – все было выбрано неудачно...”. Само употребленное Тургеневым слово “нигилист”, “которым пользовались и реакционеры”, не может быть применимо “к молодым людям, страстно преданным своему делу – науке”. Герцен полагает, что Тургенев «сделал из своего нигилиста “брюзгу-племянника”, наделенного кучей всевозможных пороков...». Но главным недостатком тургеневского героя Герцен считает тот факт, что «он промелькнул перед нами, не успев даже оправдаться... Судьба неправдоподобного нигилиста, столь же несчастна, как и судьба невозможного болгарина: автор отделяется от него на манер Брута – убивает его тифом. Спорный вопрос, тяжба “отцов с детьми”, процесс между пошляками, фатами и наглецами не мог закончиться за отсутствием сторон». И несмотря на эти идеологические и художественные недостатки, этот роман – “единственное замечательное произведение новой литературной фазы... фазы консерватизма” [1, т. XVIII, с. 217–218].

VII

В марте 1865 г. Герцен навсегда покинул Лондон и жил в основном в Женеве, куда позже была перевезена ВРТ. Узнав об этом, Тургенев сказал: “Он теперь в положении короля Лира” [7, с. 193]. Герцен, конечно, бывал в Париже, и однажды они встретились на улице, но Тургенев якобы не пожелал общаться. Безусловно, после “седовласой Магдалины” он имел на это право. Ведь Герцен даже формально не пожелал извиниться. Вероятно, Тургеневу не понравилось и истолкование Герценом романов “Накануне” и “Отцы и дети” в журнале “La Cloche”. Позже Тургенев уверял, что просто “не узнал” тогда Герцена и просил общих знакомых “поправить дело” [7, с. 98, 104, 197].

В 1866 г. “Колокол” продолжал выходить, откликаясь на главные или второстепенные события в России, но тираж его падал, как и интерес к статьям самого Герцена. Молодое поколение и в самой России, и в изгнании, и в эмиграции считало его “устаревшим”. Герцен действительно повторял свои суждения о ненужности революци-

онных выпадов, о необходимости поисков новых социальных идей и т.п. [8, с. 190–206].

Тургенев после “Отцов и детей” и работал не так интенсивно, как раньше, и печатался немного. Следующий роман – “Дым” он, может быть, и начал в 1862 г., но закончил только в 1867. Некоторые исследователи считают, что *реальные* сроки работы над романом: 6(18) ноября 1865–17(29) января 1867 г. [9, с. 506]. Вместе с тем Ю.Г. Оксман справедливо утверждал, что «вся идеологическая нагрузка “Дыма” была предопределена историко-философскими и социально-политическими дискуссиями Тургенева с Герценом, Огаревым и Бакуниным» [10, с. 417–437].

17 мая 1867 г. Тургенев, не встречавшийся и не поддерживавший переписки с Герценом с апреля 1864 г., послал ему в Женеву вместе с письмом “экземпляр” своего “нового произведения”, очевидно, № 3 “Русского вестника” за 1867 г., где был напечатан роман “Дым”.

Об отражении в “Дыме” идеологических споров говорилось не раз. Ю.Г. Оксман подчеркивал связь романа с “лондонскими пропагандистами”, Г.А. Бялый [11, с. 186–190 и др.] и А.Б. Муратов [12] отмечали полемические намеки на идеологическую позицию Герцена и отражение ее в болтовне “гейдельбергской молодежи”. Однако прямых серьезных антигерценовских и антиогаревских тенденций в “Дыме” даже в первой части романа (в “Гейдельбергских арабесках”) нет. Тирады об особом пути России, о роли спасительной “общины” повторяли многие. Сатирические образы русских прогрессистов, как и реакционеров, представляют собой примитивные и обобщенные карикатуры. Но Губарев, обозначенный в списке действующих лиц буквой “О”, да и созвучие фамилий говорят сами за себя. Есть свидетельства современников о сходстве их внешности и манеры разговора. Однако Тургенев полагал, что портретное сходство и созвучие фамилий не указывают на Огарева явно и что послать роман Герцену все-таки можно.

Тургенев послал Герцену “Дым” 17 мая (н.с.) 1867 г. Уже успевший его прочитать к этому времени, Герцен 6 мая (н.с.) писал о нем Огаревой: “Роман Тургенева очень плох” [1, т. XXIX, с. 89]. А в № 240 “Колокола” (вышел 1 мая) была напечатана его краткая ироническая заметка о публикации романа в “Русском вестнике” “за пять тысяч рублей” [1, т. XIX, с. 258]. Но еще не читая романа, Герцен уже иронизировал над ним. В “Колоколе” № 239 (вышел 15 апреля 1867 г.), в короткой заметке, “Omne exit in fumo” <Все пошло дымом>, он писал: «Поздравляем нашего знаменитого

“Охотника” с началом политической деятельности... и от души желаем... чтоб она не кончилась, как болгар и Травиата, кашлем, а здоровой грудью пошла бы вперед» [1, т. XIX, с. 242].

В “Колоколе” № 241 (вышел 15 мая), уже прочитав роман, Герцен поместил маленькую статейку “Отцы сделались дедами”, в которой в сатирической манере представил содержание “Дыма”: взяты “безличные и не очень новые меха”, да и в них “продымленную воду” сливает “кукла” Натугин или Потугин [1, т. XIX, с. 261]. Тогда же Герцен писал Вырубову: «Читали ли Вы “Дым” Тургенева? Не стыдно ли в седине своей мастурбировать такую дрянь. Я его немного задел» [1, т. XXIX, с. 101].

Можно думать, что Тургенев, посылая “Дым” Герцену 17 мая, еще не читал статейки в “Колоколе” № 241, но заметки в №№ 239 и 240 прочел и послал Герцену экземпляр своего романа вместе с явно примирительным письмом. В нем Тургенев иронически перечислил свои “великие вины” перед Герценом (подписка в пользу русских солдат, не узнал Герцена на улице, “Московские ведомости” назвали Тургенева “дорогим гостем”).

Тургенев понимал, что в “Дыме”, конечно, Герцену не понравятся его “Гейдельбергские арабески”, но полагал, что “дело сделано”. К этому времени он уже знал о бурных конфликтах Герцена с молодой русской эмиграцией и не преминул упомянуть, что молодежь теперь его, Герцена, “пожаловала в отсталые и реаки”. Тургенев предлагает Герцену возобновить переписку и даже “погромить”, “поперсифлировать” (от французского глагола *persifler* – пересмеивать, зубоскалить, издеваться. – *Е.Д.*) его печатно [5, Письма, т. VI, с. 246–247].

Герцен откликнулся на это письмо сразу же – 19 мая 1867 г. Он готов возобновить отношения, просит не сердиться за “шуточную заметку” (“Отцы сделались дедами”). О “Дыме” пишет, что Потугин ему “надоел” своей “болтовней”, а “Гейдельбергские арабески не знаю”, т.е., очевидно, не понял, что хотел сказать Тургенев в этой части романа [1, т. XIX, с. 102].

Тургенев ответил Герцену 22 мая, подчеркивая, что теперь они «все-таки ближе стоят друг к другу и легче понимают друг друга, чем “разногодники”», т.е. молодые русские радикалы. Коснувшись Потугина, он вяло оправдывался, а вот по поводу “Гейдельбергских арабесок” нашел нужным коротко разъяснить: “Я разумел сцены у Губарева” [5, Письма, т. VI, с. 252].

Герцен отозвался на это вполне дружеское письмо 25 мая 1867 г. Губарева-Огарева Герцен

в “Гейдельбергских арабесках” не узнал или, скорее, не захотел узнать. В противном случае ни на какое “замирение” с Тургеневым он бы не пошел. Герцен вообще предлагает Тургеневу “не поминать старое”, принять как факт, что он, Тургенев, “смотрит на свет ипохондрически”, а сам Герцен, “сангвинически”... В этом письме Герцен сообщил Тургеневу, что “книги” <“Дыма”> от Тургенева он так и “не получил” [1, т. XXIX, с. 105].

Отвечая Герцену 4 июня, Тургенев писал, что за “Дым” его ругают все – “и красные, и белые”, но ему все “словно с гуся вода”, он радуется, что его “ограниченный западник Потугин появился в самое время этой всеславянской пляски с присядкой, где Погодин так лихо вывертывает па с гармоникой под осеняющей десницей Филарета” [5, Письма, т. VI, с. 260]⁴. На этом переписка Герцена и Тургенева прервалась на несколько месяцев.

Для Герцена это было трудное время и в личной жизни, и в политической. Он признает, что “Колокол” по-русски больше “не нужен”, “бесполезен”, “русской публики для нас” [1, т. XXIX, с. 188, 198, 202]. В августе 1867 г. “Колокол” был приостановлен издателями до 1 января следующего года. Мысль издавать его по-французски с русским прибавлением обсуждалась с Огаревым еще с июня 1867 г. Однако Герцен все больше и больше приходил к мысли, что «никто не хочет ни русского, ни французского “Колокола”». Но все-таки уже к 10 декабря журнал был подготовлен к изданию (см. [1, т. XXIX, с. 238]), и Герцен послал Тургеневу, очевидно, еще не вышедший и датированный 1 января 1868 г. авторский экземпляр. В нем Тургенев, конечно, прежде всего прочитал статью Герцена “Prolegomena” (“Введение”). Сам Герцен иногда называл её “французским предисловием”. Он работал над ней в сентябре–октябре 1867 г. и окончательной датой считал 1 декабря.

Здесь Герцен снова утверждал особое положение и особый путь России к справедливому социальному будущему. Он вспоминал и повторял пять лет назад приведенные в цикле “Концы и начала” аргументы и с новой резкостью утверждал, что Россия – не Европа, а “часть света между Америкой и Европой”. В Европе “совмещение

консерватизма и революционности”, а “мы в преддверии нашей истории”. “Социальные идеи” находят в России свои “реальные формы”. Это, по мнению Герцена, не только община, но и “свободная мысль”, и те перемены, которые совершаются в стране, “равные по своему значению революциям”. На этой надежде и строит Герцен свою программу русского возрождения, не замечая, очевидно, что всё это плохо согласуется с реальной обстановкой в России. Он верит, что созыв “великого собора” и своего рода коалиционного правительства, “правительства без различия классов”, даст возможность русскому народу “выйти без потрясения, без переворота – террора и ужаса, без потоков крови из длинного предисловия, называемого петербургским периодом” [1, т. XX, с. 54, 60, 66, 77, 79].

Тургенев, конечно, прежде всего прочитал в “Колоколе” “Prolegomeny” Герцена. Он не захотел продолжать “старый спор” и в ответном письме от 12 декабря 1867 г. заметил только, что «ни Европа не так стара, ни Россия не так молода... мы сидим в одном мешке, и никакого за нами “специального нового слова” не предвидится. Но дай Бог тебе прожить сто лет – и ты умрешь последним славянофилом» [5, Письма, т. VI, с. 355].

Тургенев еще раз послал Герцену теперь уже отдельное, исправленное издание “Дыма”. Понимая, что роман ему “не понравится”, он советовал прочесть биографию генерала Ратмирова: может быть, хоть этот отвратительный злобно-холодный генерал, собственноручно поровший мужиков, заставит Герцена “улыбнуться”.

В письме к Тургеневу, датированном 20 декабря 1867 г., получив наконец от него “Дым” и возражения на “Prolegomena”, Герцен, оставляя в стороне не вполне литературные споры о романах Тургенева⁵, вновь замечает, что его более всего интересуют судьба России, то «новое слово, которое Россия явно громко говорит своим социальным исключением пролетариата... Пожалуй-ста, заметь – я это говорил всегда: есть еще силы,

⁴ В тот же день Тургенев писал Д.И. Писареву, что “лицо” Потугина ему “дорого”, что есть “в нем этот глухой и неугасимый огонь”, он радуется, что его “наповал ругают”, что именно ему, Тургеневу, «удалось выставить слово “цивилизация” на своем знамени», “и пусть в него швыряют грязью со всех сторон” [5, Письма, т. VI, с. 261].

⁵ Герцен отдельно готовил и напечатал через год в последней “Полярной Звезде” (кн. 8 на 1869 год) статью “Еще раз Базаров”. Но это не было полемикой с Тургеневым. Это был категорический разрыв с русской “молодой эмиграцией”, с которой Герцен разошелся гораздо более непримиримо. Огареву он написал 17 апреля 1868 г.: “Тургенев с ними только пошутил, – их надо выставить к позорному столбу – во всей нагоде, во всем холуйстве и наглости, в невежестве и трусости, в воровстве и доношничестве. ... Передняя, казарма, застенок полицейский и дьячки могли только развести этот испанский воротник на шею России” [1, т. XXIX, с. 326]. Далеко ушел Герцен от тургеневских карикатур в “Гейдельбергских арабесках”!

которые могут оплодотвориться наукой (здесь Герцен под “наукой” понимает социалистические идеи. – *Е.Д.*) и спасти организм». Вместе с тем, зная взгляды Тургенева на эти проблемы, Герцен пишет, что полемизировать с ним не станет [1, т. XXIX, с. 242]. И все же обосновал свои идеи еще раз.

Тургенев ответил Герцену 25 декабря 1867 г., повторив свою точку зрения на судьбу России: «Ты романтик и художник... веришь в народ, в особую породу людей, в известную расу: ведь это в своем роде та же троеручица!.. От общины Россия не знает как отчураться... Изю всех европейских народов именно русский менее всех других нуждается в свободе. Русский человек, самому себе предоставленный – неминуемо вырастает в старообрядца – вот куда его гнет – его прет – а вы сами (т.е. издатели “Колокола.” – *Е.Д.*) лично достаточно обожглись на этом вопросе, чтобы не знать, какая там глушь, и темь, и тирания. ... Вера в народность есть тоже своего рода вера в бога, есть религия – и ты – непоследовательный славянофил...» [5, Письма, т. VII, с. 14]. На этом спор о России Тургенева и Герцена прекратился. В 1868 г. переписки не было.

В 1869 г. они обменялись несколькими письмами скорее о семейных делах, чем о политических. В последнем письме к Герцену от 18 марта 1869 г. можно видеть, как по-прежнему не приемлет Тургенев ни социализма, ни “нового слова” Бакунина – пропаганды рабочим: “Я остаюсь индивидуалистом до конца” [5, Письма, т. VII, с. 333]. За неделю до смерти Герцена, 13 января 1870 г., Тургенев навещал его в Париже после семилетней разлуки, а через три дня Герцен был уже смертельно болен. При последних его минутах 20 января Тургенев уже не присутствовал и узнал о смерти Герцена из газет. 22 января 1870 г. он писал Анненкову: “Я с час назад узнал, что Герцен умер. Я не мог удержаться от слез. Какие бы ни были разногласия в наших мнениях, какие бы ни происходили между нами столкновения, все-таки старый товарищ, старый друг исчез... Вероятно, все в России скажут, что Герцену следовало умереть ранее, что он себя пережил; но что значит эти слова, что значит так называемая наша деятельность перед этою немою пропастью, которая нас поглощает?” [5, Письма, т. VIII, с. 168].

Иначе и не мог написать “индивидуалист” Тургенев. Для него каждая человеческая судьба – прежде всего живая жизнь человека. И таким “живым” был для него Герцен, с которым он расходился и политически, и идеологически, и творчески. Из всего написанного Герценом Тургенев по-настоящему высоко ценил только “Былое и думы” и, конечно, не за “отражение истории в человеке”. Тургенева всегда интересовали индивидуальные судьбы, которых так много в этой книге Герцена. Герцен в силу своей “сангвинической природы” не смог понять многое в романах Тургенева, мог насмехаться и иронизировать над “Дымом” и даже над “Отцами и детьми”. Но эти два человека знали друг другу настоящую цену.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Герцен А.И.* Собрание сочинений в 30 т. М.: Наука, 1954–1966.
2. *La Russie en 1839.* Par le marquis de Custine. Т. 1–4. Paris, 1843.
3. *Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Russlands.* Von August Freiherrn von Haxthausen. Hannover–Berlin, 1847–1852.
4. *Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1818–1858).* Составитель Н.С. Никитина. СПб.: Наука, 1995.
5. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Письма в 13 т. М.; Л.: Наука, 1961–1968.
6. *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. В 15 т. М., 1939–1953.
7. *Летопись жизни и творчества А.И. Герцена.* Т. 4. Июль 1864–1867. Автор-составитель С.Д. Гурвич-Лицинер. М.: Наука, 1987.
8. *Дрыжакова Е.Н.* Герцен на Западе. В лабиринте надежд, славы и отречения. СПб.: “Академический проект”, 1999. С. 190–206.
9. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений в 28 т. Сочинения. Т. 9. С. 506. М.; Л.: Наука, 1965.
10. *Тургенев И.С.* Сочинения. В 12 т. Т. IX, М.; Л.: ГИЗ, 1930. Комментарий. С. 417–437.
11. *Бялый Г.А.* Тургенев и русский реализм. Л., 1962.
12. *Муратов А.Б.* О Гейдельбергских арабесках в “Дыме” И.С. Тургенева // *Русская литература.* 1959. № 4.